

© 2004 г.

Р. ВЕЭРМАНН, Е. ХЕЛЕМЯЭ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ЭСТОНИИ: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ИЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ?

ВЕЭРМАНН Рейн - кандидат философских наук, заведующий отделом социальной стратификации Института международных и социальных исследований Таллиннского педагогического университета (Эстония). ХЕЛЕМЯЭ Елена - кандидат философских наук, старший научный сотрудник того же отдела.

Экономика, этичность и интеграция

Со второй половины 1990-х годов в Эстонии все больше внимания стали уделять проблеме интеграции эстонского общества. Ни учеными, ни политиками, как правило, не оспаривается, что деление на эстонцев и прочих (как бы их не называли: "рус-

ские", "русскоговорящие" или "неэстонцы") — характерная черта общества, а этническая принадлежность - очень важная характеристика индивида. Споры ведутся скорее о том, "что делать?", каково содержание понятия интеграции применительно к ситуации в Эстонии, каковы возможные пути и направления этого процесса. Различные мнения высказываются по поводу того, что является ключевым звеном этнической разобщенности: психологические установки (предубеждения, недоверие и т.п.), различия национальных культур (вплоть до принадлежности к разным цивилизациям), "пережитки советского прошлого" (разделение эстонской экономики на так называемые союзный и местный сегменты и/или вертикальное общественно-политическое разделение на доминирующую и подчиненную нации) или политика эстонского государства (в области языка и гражданства, в сфере приватизации и т.п.).

В последнее время все больший акцент делается на вопросы социально-экономической интеграции как с точки зрения результата (создания равных возможностей для достижения определенных статусных позиций), так и самого процесса как совместной экономической деятельности и целенаправленного сотрудничества. Еще классики социологии К. Маркс, М. Вебер, В. Зомбарт рассматривали присущую капитализму экономическую деятельность как сугубо рациональную, свободную от таких "пережитков" традиционного общества, как культурные предпочтения [1]. Этничность также относили к разряду пережитков и особого значения ей не придавали. Аналогичный подход характерен и для современных экономистов, а до недавнего прошлого и социологов. *Homo economicus* представляет собой эдакий простенький тип индивида, необремененного необходимостью следовать общественным нормам и выполнять обязательства по отношению к другим членам общества [2]. Такой предельно рациональный индивид руководствуется исключительно своими экономическими интересами. Американский социолог Марк Грановеттер "оживил" эту рациональную схему, выдвинув тезис "включенности" (embeddedness) экономической деятельности в социальные отношения [3]. Действия и решения экономических субъектов вовсе не свободны от политических или этнических влияний, сама среда экономической деятельности может быть в известном смысле этнически определена.

Целью данной статьи является не концептуальный анализ понятия интеграции или диагноз ситуации (насколько этнические различия совпадают с разделением на богатых и бедных, граждан и неграждан, руководителей и подчиненных и т.п.), а исследование влияния этничности на экономическую деятельность. Делается это на примере предпринимателей - группы экономических субъектов, от которых по определению следует ожидать наибольшей рациональности и наименьшей подверженности влиянию этничности. Именно этот сегмент общества зачастую рассматривается в качестве своего рода "ключевой группы интеграции", т.е. группы, более всего готовой/предрасположенной к интеграции. Насколько же в действительности интегрированы предприниматели? Насколько они рациональны в своих суждениях и оценках, насколько для них важно все, что связано с этническими предпочтениями?

Прежде чем приступить к ответу на эти вопросы, опишем в общих чертах особенности ситуации в Эстонии.

Эстонская экономика и русский бизнес: советский период и Эстонская Республика

Разделение экономики на союзную и местную. Особенностью командной экономики является, как известно, преобладание властных механизмов регулирования над собственно экономическими. Главенствующими признавались интересы государства, радетелями которых в экономике были министерства. В этом смысле весьма показательна история развития экономических структур в послевоенной Эстонии, в годы индустриализации и коллективизации. Конец 1950-х характеризуется как кульмина-

ция индустриализации. Хотя в тот период непосредственное руководство экономикой осуществлялось еще местными органами, но уже тогда была заложена основа для "переиндустриализации" республики [4]. Местные власти были в этом заинтересованы, поскольку именно индустриальный сектор позволял рассчитывать на большую ресурсную поддержку со стороны центральных властей. Таким образом государственные/союзные экономические интересы реализовывались даже в условиях, когда бюрократические рычаги управления местной экономикой были еще в руках республиканских властей.

В результате экономических реформ 1960-х годов многие предприятия были переведены в непосредственное подчинение союзных министерств. Экономика оказалась поделенной на "союзную" и "местную" [5]. Также бюрократическое разделение привело к далеко идущим социально-демографическим последствиям [6]. Поскольку значительная часть экономики республики оказалась вне контроля местных властей, а важным элементом реформ было внедрение принципов хозяйственного расчета предприятий, то в итоге реформы привели к обострению противоречий между интересами производителей, находящихся в союзном подчинении, и интересами местного общества. Горизонтальные экономические связи также постепенно "размежевывались": предприятия союзного подчинения ориентировались в своей деятельности на аналогичные, разбросанные по всему Советскому Союзу, местных предприятий для них как бы не существовало. И рабочую силу эти два сегмента со временем стали черпать из разных источников. Местные жители постепенно "вымывались" из промышленных предприятий, ставших союзными. А новое пополнение поступало либо из ведомственных учебных заведений (квалифицированные работники), либо вербовалось в ходе так называемых оргнаборов (неквалифицированные работники). Этот процесс четко прослеживается на основе данных исследования выпускников, закончивших эстонские средние школы в 1966 г. [7]. Если в то время из выпускников местных средних школ в промышленности начинал свой трудовой путь каждый третий, то к середине 1970-х годов работал лишь каждый пятый представитель этой когорты. И это при том, что по данным Всесоюзных переписей населения доля занятых в промышленности республики за 1970-е годы практически не изменилась [8].

Поскольку союзные предприятия имели возможность обеспечивать своих работников общежитием и пропиской и активно использовали эти возможности для привлечения неквалифицированной рабочей силы из-за пределов республики, то постепенно эти предприятия превратились в глазах местного населения в "насосы для перекачки в Эстонию русских". Если еще в 1945 г. эстонцы составляли 97% всего населения республики, то к 1989 г. по данным Всесоюзной переписи удельный вес эстонцев упал до 61% [9]. Так как руководство союзных предприятий было министерской номенклатурой, то и "перебрасывалось" оно в рамках всего ведомства, привязки к местному контексту у него не было. Местные русские, учившиеся в учебных заведениях Эстонии на русском языке, имели мало шансов продвинуться высоко по союзной номенклатурной лестнице, в то же время незнание эстонского языка и все углубляющаяся автономность местной русской общины ограничивали их шансы включиться в местный сегмент экономики. Это двойственное положение местных русских специалистов (не совсем "союзно-номенклатурные" и не совсем "местные") со временем стало ограничивать шансы их профессиональной самореализации. Тенденция эта наметилась еще до восстановления Эстонской Республики.

Показательны в этом смысле данные о профессиональном статусе молодых людей, приобретших в Эстонии среднее, а затем и высшее образование. 90% из тех, кто закончил среднюю школу во второй половине 1960-х годов и получил высшее образование, через 10 лет работали руководителями или специалистами высшей квалификации - это относилось в равной мере к выпускникам школ как с эстонским так и русским языком обучения [7]. Применительно к выпускникам средних учебных заведений начала 1980-х годов ситуация изменилась. Выпускникам таких заведений с эстонским языком обучения последующее высшее образование гарантировало место

руководителя или специалиста высшей квалификации в 87% случаев, т.е. их шансы по сравнению с предшествующими когортами практически не уменьшились. Применительно же к выпускникам с русским языком обучения соответствующая цифра уменьшилась до 75%. Шансы этих молодых людей уменьшились по сравнению как с русскими "предшественниками", так и ровесниками-эстонцами [7].

Развитая бытовая инфраструктура союзных предприятий позволяла работникам свести контакты вне предприятий до минимума. В итоге на базе предприятий союзного подчинения сформировались автономные по отношению к местному контексту социальные образования. Поскольку основными источниками пополнения рабочей силы этих предприятий были прежде всего славянские регионы Советского Союза, то разграничение "местный" versus "союзный" сегмент экономики приняло форму "эстонцы" versus "русские". Таким образом этническая сегментация экономических субъектов советского периода явилась побочным продуктом "включенности" экономических отношений в бюрократические властные отношения [10]. А местные русские далеко не всегда занимали ключевые посты этой бюрократически-экономической иерархии.

Переход к рыночной экономике и ее этническая сегментированность. С восстановлением Эстонской Республики изменился и характер властных отношений, в которые она была "включена". С одной стороны, с переходом к рыночной экономике изменились механизмы ее регулирования, значимость бюрократической составляющей уменьшилась. С другой стороны, темп, пути перехода к новым механизмам были следствием политических решений, от которых большинство неэстонцев были отстранены. Обретшее независимость эстонское государство, ограничив доступ неэстонцев к политическим ресурсам, способствовало ситуации, которую К. Халлик и В. Петтай охарактеризовали как социально-экономическую зависимость неэстонцев от эстонцев [11].

Введение эстонского гражданства и требований к владению эстонским языком существенно изменили этнополитическую ситуацию в стране. В части гражданства для наемной рабочей силы единственным серьезным ограничением является отсутствие доступа к государственной службе. В то же время, по мнению Э. Андерсена, неграждане очень много потеряли в ходе приватизации в первой половине 1990-х годов, что могло ограничить возможности неэстонцев заняться предпринимательством [12].

Первый Закон о языке был принят еще в 1989 г., однако значение его до сих пор по-разному оценивается эстонцами и неэстонцами. Первые считают овладение местными русскими эстонским языком главным условием как интеграции общества в целом, так и индивидуального успеха в экономической сфере. Неэстонцы же считают целью языковой политики прежде всего вытеснение неэстонцев с престижных социальных позиций и вообще ограничение их возможностей как в экономической деятельности, так и в обществе в целом [13]. До последнего времени бытовало расхожее мнение, что овладение эстонским языком (вкуче с последующим получением эстонского гражданства) автоматически уравнивает шансы эстонцев и неэстонцев в сфере экономической деятельности. Только в самое последнее время неэстонцы стали утрачивать веру в такого рода автоматизм. Результаты же исследований шансов этнических групп на рынке труда свидетельствуют, что неэстонцы, владеющие эстонским языком, действительно удачливее тех, кто эстонским языком не владеет, однако владения эстонским языком далеко не всегда достаточно, чтобы шансы эстонцев и неэстонцев на рынке труда были равными [12].

Что до возможностей неэстонцев заниматься предпринимательством, то никаких прямых ограничений в законодательстве Эстонской Республики не содержится. Однако некоторые положения законодательных актов, имеющие отношение прежде всего к неэстонцам, содержат потенциальные ограничения (например, возможность установления ограничений прав собственности для лиц, не имеющих эстонского гражданства) [14]. Данные исследований свидетельствуют, что неэстонцы были меньше эстонцев представлены среди предпринимателей с самого начала процесса приватизации [15]. К 2000 г. согласно данным переписи населения Эстонии неэстон-

цев среди предпринимателей было 24%, в то время как среди всего населения трудоспособного возраста - 34% [16].

Таким образом, и в Эстонской Республике экономические отношения "включены" в довольно сложный этнополитический контекст. Центральной темой данной статьи является ход интеграционных процессов в предпринимательской среде, точнее, видение процесса самими его участниками: сохранилось ли существовавшее в советское время разделение экономики на местный (теперь эстонский) и союзный (ныне - так называемый русский) сегменты, способствовало ли изменение этнополитической ситуации устранению этнических барьеров в предпринимательском сообществе?

Методика исследования

В исследовании сделана попытка дать ответы на следующие вопросы: (а) насколько тесно сотрудничают эстонские и неэстонские предприниматели как в деловой, так и в политической сфере? (б) ощущают ли действующие в Эстонии предприниматели разделение экономики на эстонский и русский сегменты, видят ли в этом проблему? (с) каковы перспективы в области сотрудничества предпринимателей, действующих в разных сегментах и интеграции этих сегментов в единую экономику Эстонии?

Методом проведения исследования были групповые фокусированные полустандартизированные интервью в форме групповой дискуссии по заранее разработанному сценарию. В отличие от стандартизированного опроса такая групповая дискуссия позволяет выявить различия не только в самих позициях, мнениях и т.п., но и в характере аргументации [17]. Обсуждения проводились в трех группах: (1) предпринимателей-эстонцев; (2) предпринимателей-неэстонцев; (3) представителей так называемых смешанных фирм, т.е. фирм, владельцами которых являются как эстонцы, так и неэстонцы. В первой группе обсуждение проводилось на эстонском языке модератором, для которого эстонский был родным языком (далее в тексте выдержки из этой дискуссии будут сопровождаться обозначением "Э"). Во второй группе - на русском языке модератором, для которого родным был русский (далее обозначены "Р"). Модератор третьей группы свободно владела и русским, и эстонским языками. В качестве языка общения участники выбрали русский, поскольку предприниматели-эстонцы свободно им владели (далее обозначены "С").

Результаты исследования

Влияние национальности на выбор делового партнера. Русские и представители так называемых смешанных фирм придерживались точки зрения, что делового партнера надо выбирать не по национальной принадлежности, а исходя из того, насколько он способен достичь намеченного результата: *"Не стоит делить фирмы по национальному признаку - это эстонская, а та фирма русская; потому что ведь все равно, с людьми какой национальности делать деньги"* (Р). Неоднократно подчеркивалось, что партнер должен пользоваться доверием, он должен хорошо работать, какой бы национальности он ни был. Иными словами, сам факт принадлежности к "своей" национальности не расценивался как индикатор надежности: *"Мой партнер подходит мне не потому, что он русский, а потому, что он надежный"* (Р).

Однако чтобы судить о надежности партнера, надо его знать. Логика рассуждений участников русской и смешанной групп приблизительно такова: чтобы признать партнера надежным, нужна предварительная информация. Самым надежным ее источником является личное знакомство или рекомендация хороших знакомых. Если среди представителей других национальностей знакомых практически нет, то информация имеется только о представителях "своей" национальности, и соответственно круг вы-

бора ограничивается только ими. Таким образом, по мнению участников русской и смешанной групп, то, что деловые партнеры оказывались одной с ними национальности - не столько самоцель, сколько последствие существовавшей до Эстонской Республики и продолжающейся поныне разделенности национальных сообществ.

Разнице в темпераменте, чертах национального характера участники ни русской, ни "смешанной" групп особого значения не придавали: *"Все зависит от внутренней культуры: чем выше эта культура, тем меньше чувствуется разница национальностей"* (С). Никаких принципиальных различий в деловом поведении участники этих групп у русских и эстонцев не отмечали. Различия скорее между теми, кто работает в Эстонии, и теми, кто работает за ее пределами: *"Мне приятнее иметь дело с бизнесменами-эстонцами или русскими, которые работают в Эстонии, чем с бизнесменами, с которыми нам приходится иметь дело на Востоке"* (С).

Правда, один (русский по национальности) представитель смешанной фирмы хоть и указал, что этнический аспект в бизнесе далеко не главное, все же отметил, что определенные различия имеются: *"Статистически, может быть, эстонские фирмы более порядочные, чем русские"* (С). В связи с этим интересно отметить распространенность мнения "эстонцы трудолюбивее русских" в целом: по данным исследования "Мониторинг интеграции-2000", этого мнения придерживаются и 85% эстонцев и 30% русских.

Точки зрения эстонских предпринимателей в части выбора партнера по бизнесу отличались значительно большим диапазоном, чем у представителей русских и смешанных фирм. Наряду с либеральным взглядом на проблему выбора партнера, преобладавшим в двух других группах, в эстонской выявились и другие подходы, которые мы обозначили как "в прошлом этноцентричный, ныне либеральный" и "этноцентричный". Представленные в эстонской группе "либералы" формулировали свое отношение к выбору партнера практически так же, как это делали представители русской и смешанной групп - при выборе партнера по сотрудничеству национальный фактор большого значения не имеет: *"Основной целью предпринимательской деятельности является получение прибыли. Здесь решения принимаются исходя из прагматических соображений, независимо от чьей-либо национальной принадлежности"* (Э). "Этноцентрично" настроенные предприниматели-эстонцы интерпретировали поведение "другой" стороны прежде всего в терминах доминирования. Так, незнание эстонского языка интерпретировалось как рецидив шовинизма: *"На самом деле они (русские - авт.) всегда считали, что их национальность выше всех других, бывших у них в Союзе в подчинении"* (Э).

Промежуточной между этими полярными была "в прошлом этноцентричная, ныне либеральная" точка зрения, представленная в эстонской группе. Сразу после восстановления Эстонской Республики такие предприниматели избегали деловых контактов с предпринимателями неэстонского происхождения, но с течением времени деловые соображения взяли верх: *"Если года 3-4 назад мы думали, что ни за что не будем с ними (русскими - авт.) сотрудничать, то теперь я думаю по-другому и готов сотрудничать"* (Э).

Из факторов, затрудняющих сотрудничество бизнесменов разных национальностей, в эстонской группе в первую очередь указывали на то, что предприниматели-неэстонцы не владеют эстонским языком. В том, как эстонские бизнесмены излагали свое понимание этой проблемы и пути ее решения, четко просматривались три приведенных выше типа отношения к сотрудничеству. Наименее противоречивой виделась ситуация для либералов. Они подчеркивали, что при общении с фирмами, руководство которых является русскоязычным, никаких проблем не возникало. Переговоры ведутся в основном на русском языке, однако документы оформляются (как было подчеркнуто - "естественно") на государственном - эстонском языке. "Бывшие этноцентристы" при изложении проблемы акцентировали ее прагматический аспект: *"Может возникнуть ситуация, когда среди работающих в фирме, в том числе в руководстве, 90—95% эстонцы, а один из партнеров не знает эстонского, и я вынуж-*

ден буду говорить на русском языке. Такое положение может внести напряженность в работу всего коллектива" (Э).

Наиболее категоричными были "этнически ориентированные" предприниматели: они не имеют дел с предпринимателями, которые не знают эстонского языка. При этом чисто процедурные трудности общения даже не упоминались. Суть аргументации сводилась к тому, что невладение эстонским языком - проявление неуважения к эстонцам и свидетельствует о чувстве превосходства над эстонцами ранее доминировавшей нации. Именно поэтому с такими людьми ни о какой совместной работе уже в принципе не может быть и речи.

Среди других обстоятельств, препятствующих, по мнению эстонских участников обсуждения, сотрудничеству эстонских и неэстонских предпринимателей, упоминались и различия в культуре труда. Примечательно, что в нашем исследовании предприниматели посчитали нужным сослаться на "объективный" аргумент - данные международного исследования культуры труда: *"В части отношения к работе эстонцы от евростандарта еще далеки. Однако у русских это отставание еще больше"* (Э). В части отношения к труду эстонцев данные исследования, упомянутого участницей эстонской группы, тут же были подвергнуты сомнению. В то время как вывод, относящийся к русским предпринимателям, возражений не встретил: *"Если отношение русских предпринимателей к работе изменится, и они выучат эстонский язык, тогда уже не будет особых преград для совместной деятельности"* (Э).

Про культурные характеристики предпринимателей, связанные с особенностями национального характера, менталитета, сами участники эстонской группы разговора не заводили. Лишь когда модератор начала об этом спрашивать, тема была с готовностью подхвачена. Учет различий в эстонском и славянском темпераменте признали особенно важным в случае "внутрифирменного" сотрудничества русских и эстонцев. Применительно же к отношениям поставщика и заказчика эти различия помехой не считали. Было также признано, что менталитет у эстонцев и русских разный, они думают по-разному, у них разный культурный фон. "Либералы" особенно убежденно высказывались о преодолении этого барьера, правда, при условии, что неэстонцы приложат усилия и продемонстрируют свое уважение к эстонскому языку и культуре: *"Это еще не является основанием для прекращения общения. Среди неэстонцев достаточно много таких, кто изучает эстонский язык, кто пытается интегрироваться в эстонское общество, влиться в местную культуру"* (Э).

Следует отметить, что в эстонской группе участники увязывали перспективы сотрудничества между эстонцами и неэстонцами с характером экономических связей. В принципе наиболее приемлемой оказалась ситуация "эстонец-хозяин" - "неэстонец-работник"; при определенных условиях возможны отношения между заказчиками и поставщиками разных национальностей; но отношение к совместному владению фирмой было очень скептическим и даже резко отрицательным.

Сотрудничество при отстаивании общих интересов. Во всех трех группах признавали, что интересы малого и среднего бизнеса очень слабо представлены на государственном уровне, мало учитываются в законодательстве, при формировании налоговой политики, выработке приоритетов внешней торговли и т.п. Однако отношение к такой ситуации у представителей трех групп было разным.

Представители русских фирм были весьма скептически настроены в отношении возможности защиты их интересов на уровне государства: *"Партии не выражают интересов ни эстонских, ни русских предпринимателей, потому что состоящие в партиях представители бизнеса пытаются через них решать свои личные деловые проблемы"* (Р). Более того, по мнению некоторых русских предпринимателей, их положение в этом смысле хуже, чем у эстонских бизнесменов. В качестве причины худшего положения предпринимателей-эстонцев приводилась прежде всего "идеологизация" экономики: *"Эстонским бизнесменам тоже трудно влиять на эстонскую политику, потому что она строилась только четко из идеологических, а не экономических соображений. Но влияние эстонского бизнеса весомей в данный момент"* (Р).

Представители смешанной группы решение наболевших проблем малого и среднего предпринимательства увязывали не столько с политической активностью самих деловых людей и деятельностью некоего объединения предпринимателей, сколько с обоснованной экономической политикой государства. А от политики вообще лучше держаться подальше: *"Политикой займемся тогда, когда просто обыкновенными экономическими методами получить прибыль будет трудно или практически невозможно. Вот тогда начинают заниматься политикой. А просто так - бедным быть и заниматься политикой, это вообще ущербно"* (С).

Вопрос о том, как стимулировать исполнительную власть для выработки стратегических решений, формирующих долгосрочную перспективу и выявляющих долгосрочные приоритеты, так и остался висеть в воздухе. *"Вот мы раньше говорили, что политбюро отчуждено от народа. Что, у нас лучше, что ли? То же самое"* (С). *"Это такая проблема, которая может решиться лишь со временем, когда сменится несколько поколений политиков"* (С).

Среди эстонских предпринимателей также не ощущалось озабоченности по поводу отсутствия политической силы, защищающей их интересы. Сквозила даже некоторая ирония по отношению к предпринимателям, "использующим" политику и политиков для достижения своих экономических целей. В контексте дискуссии проявлялась скорее та же, что и у представителей "смешанного" бизнеса, позиция: от политики и политиков лучше держаться подальше.

В русской группе мнение о необходимости объединения усилий всех предпринимателей для защиты общих интересов было высказано в ходе обсуждения самими участниками. Это мнение прозвучало как логически закономерный итог дискуссии: *"До тех пор, пока в Эстонии не появилась организация предпринимателей, которая была бы способна влиять на законотворчество, на принимаемые решения и говорить с правительством на равных, до тех пор не приходится ждать никакого прогресса в предпринимательстве"* (Р).

В других же группах признание полезности сотрудничества бизнесменов разных национальностей было скорее вежливым ответом на заданный модератором вопрос. Перспективы интенсификации сотрудничества не слишком радужны и в этой области: ни у одной из групп не выявилось оптимизма относительно достижимости успеха такого сотрудничества. Представители русского бизнеса более всего заинтересованы в нем, однако их обостренное чувство "институционализованного отторжения" вряд ли может послужить базой плодотворного сотрудничества.

Таким образом, русские и эстонские предприниматели признают наличие так называемых эстонского и русского (неэстонского) сегментов экономики и этническую разобщенность предпринимателей. Разобщенность эта проявляется не только в чисто деловой сфере, но и при защите общих интересов малого и среднего бизнеса. Если русских предпринимателей такое положение вещей беспокоит, то в смешанных фирмах отношение более философское (что-то вроде "такова жизнь"), а представители эстонских фирм об этом особенно и не задумываются, - из контекста дискуссий следует, что для них это само собой разумеющееся положение вещей.

Два предпринимательских сообщества в Эстонии: причины и перспективы.
В ходе дискуссий представители трех групп высказали разные точки зрения по поводу причин наличия двух деловых сообществ, внешним признаком разделения которых является язык общения. Представители русских и так называемых смешанных фирм рассматривали этническую сегментацию в бизнесе как проявление более общей этнической разобщенности всего общества. Причину такой ситуации они видели не столько в личной предубежденности эстонских предпринимателей, сколько в идеологизации экономической политики Эстонской Республики, а также предвзятости и некомпетентности чиновников: *"Не может быть у нас противостояния по какому-то национальному разделу с коллегами предпринимателями, не может быть трений на национальной почве ... Скорее нужно задуматься, что нужно делать, чтобы*

демократия в Эстонии стала еще более демократичной..., чтобы начать возвращать право избирательного голоса тому населению, которое его потеряло" (С).

Показательно, что представители русского бизнеса Эстонии и "смешанных" фирм были озабочены не только разобщенностью предпринимательского сообщества, но и шире, - этнополитическими изменениями в стране, последствиями политики эстонского государства в области государственного языка и гражданства: *"Нестабильность в обществе означает, что значительная часть не имеет права голоса, и тогда политики не только просто игнорируют интересы этой части, а они даже бравируют и зарабатывают новые голоса, раздувая противоречия" (С).*

По мнению представителей русских фирм, раскол между эстонцами и неэстонцами образовался тогда, когда в Эстонии началась приватизация. Условия приватизации были для эстонцев более благоприятными, чем для русских: *"Когда происходило перераспределение государственной собственности, законотворческая база сразу отделила русскоязычных директоров, потом предприятия и оставила их в стороне. Дележ государственной собственности происходит между эстонскими бизнесменами" (Р).* Однако не все участники обсуждения воспринимали ситуацию так драматично: *"Я считаю, что русские в процессе приватизации получили тоже немного" (Р).*

По мнению участников дискуссий в русской и смешанной группах, выбор приоритетов в установлении внешнеэкономических связей Эстонии также излишне политизирован. Для самих же предпринимателей отсутствие режима благоприятствования развитию экономических связей между Россией и Эстонией является проблемой чисто прагматической. Поскольку у русских предпринимателей зачастую еще сохранились контакты с деловыми кругами на Востоке, и выход на российский рынок было осуществить проще, чем на западный, то "излишне односторонняя ориентация на Запад" (по выражению одного из участников) ставит в невыгодное положение в первую очередь предпринимателей русского происхождения. Более того, русский бизнес в Эстонии оказывается в своем роде стигматизированным, ибо работает в "идеологически неправильном" направлении. Правда, по мнению некоторых участников, по мере того как для эстонских фирм все острее встает вопрос освоения новых рынков, последние проявляют все больший интерес к России. Однако со вступлением в Европейский Союз деловые контакты с Россией как "неевропейской" стороной становятся еще проблематичнее. Все эти аспекты проблемы свел воедино один из русских предпринимателей: по его мнению, разобщенность эстонских и неэстонских деловых кругов - следствие целенаправленной политики создания для эстонских фирм более льготных условий, чем для русских.

В эстонской группе разобщенность деловых кругов по национальному признаку увязывали в первую очередь с культурными характеристиками самих предпринимателей. Прозвучало мнение, что русские предприниматели сами замыкаются в себе, поэтому с ними и нет контактов. Лишь под занавес обсуждения один из участников привел более общий, структурного порядка аргумент: экономика Эстонии была сегментирована еще в советский период.

Позицию эстонских бизнесменов в части перспектив сотрудничества с неэстонскими коллегами можно свести к формуле: почему бы не сотрудничать, пусть только выучат язык и научатся работать. Лишь один представитель эстонской фирмы, который еще с советских времен тесно сотрудничал с так называемыми общесоюзными предприятиями, признал неоднозначность последствий языковой политики эстонского государства и его политики в области гражданства. Но сделал он это уже "в частном порядке", по окончании общей дискуссии.

Предприниматели смешанных фирм затруднились в оценке перспектив сотрудничества: *"Разделение на две различные общины предпринимателей имеется, и трудно сказать, сколько это будет продолжаться" (С).* Те, кто наиболее последовательно увязывал экономические проблемы с политическими, залогом развития сотрудничества между эстонскими и неэстонскими предпринимателями считали изменения в политике гражданства: *"Когда мы вернем (неэстонцам-негражданам - авт.) право*

голоса, мы получим стабильных политиков, которые в равной степени представляют и тех, и других" (С).

Наибольшим пессимизмом отличалась группа русских предпринимателей - они не надеялись на преодоление разобщенности раньше, чем через 10-15 лет. И в этой группе четко прозвучала мысль о том, что отношения в среде предпринимательства изменятся лишь после изменения этнополитической ситуации: *"Если будет выработана и правильно сориентирована экономическая политика государства вне зависимости от идеологических соображений различных партий, то тогда это развитие будет идти во взаимодействии. И все мы - будь мы русскоязычные или эстонскоязычные - будем развиваться одинаково, у нас будут одинаковые условия развития" (Р).*

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что отношение к сотрудничеству, оценка ситуации и перспектив ее изменения очень различаются у эстонских и неэстонских предпринимателей. Можно сказать, что имеющиеся структурные предпосылки сегментации предпринимательского сообщества реализуются не только вследствие слабости, фрагментарности реальных связей между сегментами, но и в вследствие субъективных факторов. Если перевести мнение неэстонцев на язык экономической социологии, то экономические отношения оказались "слишком включенными" в этнополитические отношения. Предприниматели-неэстонцы ратуют за перевод этих отношений в более рациональную плоскость, за формирование либерального сообщества предпринимателей, проводят четкую грань между индивидуальными и структурными факторами их разобщенности по национальному признаку. В оценке ситуации данной группы преобладает ощущение "институционализированного отторжения" их как представителей некоренной нации. В своей предпринимательской деятельности они вынуждены полагаться прежде всего на "этнических соотечественников", но это скорее "этническая экономика поневоле".

Диапазон мнений эстонских предпринимателей шире, их характеризует разное отношение к сотрудничеству, от "либерального", а также "в прошлом этноцентричного" до собственно "этноцентричного". Однако различия эти скорее умозрительные - реального интереса к сотрудничеству не обнаружилось. В то же время при анализе причин разобщенности у эстонских предпринимателей главенствует либерально-индивидуалистская риторика: нынешние экономические отношения уже освобождены от этнополитических влияний, все зависит от самих русских предпринимателей.

Эстония не только на словах, но и на деле привержена либеральной и открытой модели экономики. Одним из последствий такого подхода является постепенное вытеснение среднего и мелкого "местного" (будь то так называемый эстонский или так называемый русский) крупным иностранным капиталом. Такое развитие событий имеет важные социальные последствия. Да и связь между собственно экономическими (нацеленными на получение прибыли) и "прочими" соображениями экономических субъектов (предпринимателей) приобретает новый смысл. Если до сих пор неэстонские предприниматели увязывали свои (и шире — всего общества) перспективы с либерализацией, прагматизацией, рационализацией экономической политики государства, то вряд ли одна лишь такого рода корректировка улучшит ситуацию. Не являясь гражданином данной страны, не будучи связанным с нею никакими социально-культурными узами, иностранный предприниматель, в отличие от "местных", свободен от всех нерациональных влияний в принятии решений. Например, вряд ли иностранный предприниматель, переводя производство из Эстонии в регион с еще более дешевой рабочей силой, будет думать о том, как это повлияет на жизнь местных людей. Готово ли государство, общество справляться с последствиями таких сугубо прагматических решений?

Со вступлением страны в Европейский Союз еще явственней может встать вопрос: где же проходит граница между предпринимателями "местными", т.е. включенными не только в чисто экономический, но и шире - социальный, этнический, политический контекст Эстонии, и "чужими", "не обремененными" никакими социальными обязательствами, а сосредоточенными исключительно на поиске прибыли? Как интегрировать такую "чисто рациональную" экономику? Каковы будут для общества последствия такой либеральности?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Weber M.* Economy and Society. Berkeley: University, 1968; *Sombart W.* Medieval and Modern Commercial Enterprise // Enterprise and Secular Change / Eds. F.C. Lane and J.C. Riersma. Homewood, 1953; см.: *Bonacich E.* Middleman Minorities and Advanced Capitalism // Ethnic Groups. 1980. №2. P. 211-219.
2. *Jevons W.S.* The theory of Political Economy. London: Macmillan and Co., 1931; *Zelizer V.* Pricing the Priceless Child. N. Y.: Basic Books, 1985.
3. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. № 2. P. 481-510.
4. *Ahde P., Rajasalu T.* Economic Structures // Estonia and Finland. A Retrospective Socio-economic Comparison / Eds. O. Lugus and P. Vartia. Helsinki: Talousitieto Co, 1993. P. 67-167.
5. *Kala K.* Eesti rahvuslikust koosseisust parast Teist Maailmasoda // Akadeemia. 1992. Vol. 4. № 3. P. 508-535.
6. *Катус К.* Миграционное развитие Эстонии сквозь призму стратегии миграционной политики // ЕКДК. 1988. Seeria B, 4.
7. *Helemae J., Soar E., Voormann R.* Kas haridusse tasus investeerida. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2000.
8. Eesti rahvastik rahvaloenduse andmetel. II osa. Tallinn: Eesti Statistikaamet, 1997.
9. Estonian Human Development Report 1995. Tallinn: United Nation Development Program, 1995.
10. *Voormann R., Helemae J.* Ethnic Relations in Estonia's Post-Soviet Business community // Ethnicities. 2003. Vol. 3. № 4. P. 509-530.
11. *Pettai V., Hallik K.* Understanding Processes of Ethnic control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. № 2. P. 505-529.
12. *Andersen E.L.* The Legal Status of Russians in Estonian Privatization Legislation 1989-1995 // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49. № 2. P. 303-316.
13. *Халлик К., Саар Э., Хелемяэ Е.* Этническая сегментация на рынке труда: что дает неэстонцам знание эстонского языка и наличие гражданства в Эстонии // Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001. С. 18-72.
14. *Helemae J.* Ethnic Dimension of Estonian Labour Market // Proceedings of Conference "Multicultural Estonia. October 24-25, Tallinn, Estonia. Tallinn: Integration Foundation, 2003. P. 22-29; *Халлик К., Саар Э., Хелемяэ Е.* Этническая сегментация на рынке труда: что дает неэстонцам знание эстонского языка и наличие гражданства в Эстонии // Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001. С. 18-72.
15. *Pavelson M., Luuk M.* Non-Estonians on the Labour Market: A Change in the Economic Model and Differences in Social Capital // The Challenge of the Russian Minority. Emerging Multicultural Democracy in Estonia / Eds. M. Lauristin and M. Heidmets. Tartu: Tartu University Press, 2002. P. 89-116.
16. <http://www.stat.ee> (дата считывания 19.01.2004 г.)
17. *Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Этнические различия в ориентациях и установках предпринимателей Эстонии // Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии // Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001. С. 73-94.